

Тексты напечатаны въ такомъ порядкѣ: сначала слѣдуютъ «Самостоятельныя сочиненія патр. Евѳимія» (I отдѣлъ), а потомъ «Переводныя». Последнія раздѣлены на подотдѣлы «несомнѣнныхъ» и «сомнительныхъ». Въ «приложеніяхъ» изданы: «Слово о перенесеніи мощей Іоанна Рыльского изъ Трнова въ Рыльскій монастырь», принадлежащее перу Владислава Грамматика и дополняющее соотвѣтственно произведение патр. Евѳимія, и «Слово о перенесеніи мощей св. Параскевы изъ Трнова въ Бдинъ», составленное Григоріемъ Цамблакомъ и также дополняющее подобное же сочиненіе Евѳимія. При изданіи текстовъ приводятся, конечно, варианты изъ другихъ рукописей и, гдѣ нужно, коньектуры, не всегда, впрочемъ, удачныя ¹⁾.

Г. Ильинскій.

Bibliothèque hagiographique orientale, éditée par Léon Clugnet. Paris, A. Picard et fils, 1901—1902, 8°.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ съ 1901 года стала выходить въ Парижѣ серія небольшихъ агіографическихъ памятниковъ на греческомъ, сирійскомъ, коптскомъ и другихъ языкахъ, съ присоединеніемъ подлинниковъ ихъ на языкѣ греческомъ, если таковыя имѣются. Издателемъ серіи является г. Л. Ключье, ведущій отдѣлъ византійской агіографіи, публикаторами отдѣльныхъ памятниковъ сирійскихъ — г. F. Nau, коптскихъ — г. Ignazio Guidi. Статьи на послѣднихъ языкахъ сопровождаются переводами ихъ на французскій, но греческіе тексты, какъ общедоступные, даются только на одномъ греческомъ языкѣ.

Первый выпускъ «Библіотеки» (pp. XXXII + 116 + 1) открывается изданіемъ самого издателя: Βίος τοῦ ἁββᾶ Δανιὴλ τοῦ σκητιώτου. Въ строгомъ смыслѣ слова, житія Даниїла не существуетъ, а есть довольно повѣстей о различныхъ лицахъ, въ которыхъ Даниїль занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Принято думать, что эти повѣсти были рассказаны Даниїломъ своему ученику и этимъ послѣднимъ были записаны. Г. Ключье собралъ ихъ по разнымъ рукописямъ Парижа, Берлина, Флоренціи и пр., сличилъ и не рѣдко впервые издалъ текстъ этихъ сказаній. Оправдываясь предъ читателями въ томъ, что не представлено греческаго критическаго текста, Г. Ключье говоритъ, что текстъ этихъ рассказовъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ текстомъ классиковъ или какихъ либо извѣстныхъ отцовъ церкви. Писецъ, копируя творенія напр. Еврипида, или св. Іоанна Златоустаго, близко держался списываемой рукописи, и если позволялъ себѣ сдѣлать нѣкоторое измѣненіе, то съ цѣлью исправить ошибку — дѣйствительную, или казавшуюся ему таковою; но агіографическіе тексты находятся въ иномъ положеніи: будучи анонимны

1) На стр. 268, напр., вмѣсто правильной формы *младѣ* = *младѣ* (ркп. серб. ред.) предлагается чтеніе *младѣнцѣ*.

они не считались литературною собственностью тѣхъ, кто ихъ редактировалъ. При копированіи ихъ было не столько важно сохранить въ неприкосновенности текстъ, сколько сдѣлать ихъ полезными для разныхъ читателей. Поэтому не было ошибкою то подправлять ихъ, то сокращать, вообще видоизмѣнять текстъ. Среди всѣхъ этихъ передѣлокъ не возможно отыскать первоначальный текстъ. Если бы, справедливо говорить г. Ключье, *дюжина* эллинистовъ, каждый независимо, взялся бы приготовить критическій текстъ такихъ сказаній, то мы имѣли бы *десять* различныхъ критическихъ текстовъ. Но и въ такомъ видѣ, въ какомъ повѣсти теперь изданы, издатель-авторъ находитъ свою публикацію полезною (а мы прибавимъ: и драгоцѣнною) для греческой агіографіи.

Первый вопросъ, возникающій при чтеніи книги, это вопросъ о томъ, всѣ ли приведенныя въ изданіи повѣсти относятся къ одному и тому же Даниилу? Вопросъ этотъ г. Ключье рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ, говоря, съ какою настойчивостью рукописи повторяютъ сказанія въ одномъ мѣстѣ. Второй вопросъ — о личности таинственного аввы Даниила Скитянина. При разсмотрѣніи памятниковъ г. Ключье извлекаетъ слѣдующія данныя объ аввѣ Даниилѣ.

Ни времени рожденія, ни времени его кончины мы не знаемъ. Ареною его подвиговъ былъ Нижній Египетъ, эпоха жизни его — времена имп. Юстиніана. Онъ былъ по происхожденію грекъ и говорилъ по гречески, ибо разговоръ его въ Верхней Ойваидѣ, у коптовъ, былъ переводимъ по коптски (αἰγυπτιστί, р. 23). Молодымъ человѣкомъ онъ покинулъ міръ и удалился въ пустыню Скитскую. Въ то время онъ трижды попалъ въ плѣнъ къ варварамъ, нападавшимъ на Скитскую область. Первый плѣнъ его продолжался два года; Даниилъ былъ спасенъ капитаномъ корабля. Второй плѣнъ длился шесть мѣсяцевъ; изъ третьяго плѣна онъ спасся только послѣ убіенія имъ своего владѣльца. Воспоминаніе объ этомъ убійствѣ мучило его совѣсть. Даниилъ поклялся александрійскому патріарху Тимоѳею (518—526), но послѣдній не призналъ въ этомъ вины, такъ какъ убить «жестокій звѣрь». Даниилъ отправился въ Римъ къ папѣ, но и римскій епископъ далъ подобный же отвѣтъ. Не довольствуясь и этимъ, Даниилъ отправился въ Константинополь, Ефесъ, Антиохію и Іерусалимъ; однако всѣ патріархи не нашли вины въ убіеніи варвара. Тогда авва предалъ себя въ руки свѣтской власти, именно правителя Александріи. Но и этотъ судья, продержавъ его въ предварительномъ заключеніи одинъ мѣсяцъ, освободилъ его, сказавъ: «иди съ миромъ, авва, и молись за меня; небу было бы пріятно, если бы ты убилъ и полдюжины (буквально: семь)». Въ послѣдней крайности Даниилъ рѣшился сдѣлаться своимъ собственнымъ судьей, наложить искупленіе, соотвѣтствующее содѣянному имъ грѣху: онъ взялъ въ свою келлію одного несчастнаго калѣку и собственноручно прислуживалъ ему.

Живя въ Скитской пустыни, Даниилъ однажды отправился въ одно

Оивандское селеніе, расположенное на берегу Нила. Здѣсь онъ встрѣтился со столѣтнимъ старцемъ Евлогіемъ, у котораго нашелъ широкое гостепріимство. Вернувшись въ свою келлію, авва разсказалъ своему ученику повѣсть объ этомъ Евлогіи, по ремеслу каменосѣчцѣ, какъ этотъ послѣдній лѣтъ сорокъ тому назадъ неожиданно разбогатѣлъ, явился въ Византію и благодаря подкупамъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ придворныхъ лицъ (патрикіемъ и префектомъ преторія) при дворѣ имп. Юстина (518—527). Узнавъ объ этомъ, Даніилъ явился въ Византію съ цѣлью возвратить Евлогія на прежнюю дорогу, но напрасно: лакеи Евлогія не допустили къ нему Даніила и даже избили его. Авва явился въ Александрію, молясь о спасеніи себя и Евлогія. Наконецъ Господь явился Даніилу въ сонномъ видѣніи и утѣшилъ его словами, что Евлогій вернется въ свое прежнее состояніе. Послѣ этого авва мирно возвратился въ свою келлію. Юстину наслѣдовалъ Юстиніанъ (527—565), противъ котораго вспыхнуло возмущеніе, руководимое Ипатіемъ, Дексикратомъ, Помпеемъ и Евлогіемъ. Замыселъ не имѣлъ успѣха; первые трое были осуждены на смерть, а Евлогій спасся отъ смерти только благодаря бѣгству. Бросивъ все имущество, онъ прибылъ на свою родину, гдѣ занялся ремесломъ серебряка. Войдя въ прежнюю колею и побуждаемый раскаяніемъ, онъ открылъ у себя пріютъ для чужестранцевъ. Среди дѣлъ милосердія и засталъ его Даніилъ. Евлогій покаялся ему въ увлеченіяхъ молодости и съ тѣхъ поръ жилъ съ Даніиломъ въ самой искренней дружбѣ.

Позже Даніилъ сдѣлался игуменомъ Скитской пустыни. Слава о немъ распространилась далеко по окрестностямъ. Извѣстную роль авва игралъ и въ жизни патрикія Анастасіи. Это была знатная и богатая женщина въ Византіи, имѣвшая доступъ ко двору Юстиніана. Императоръ оказывалъ ей вниманіе, чѣмъ имп. Θεодора была очень недовольна. Благочестивая Анастасія, убѣгая блеска придворной жизни, удалилась въ Александрію и здѣсь, въ мѣстечкѣ τὸ Πέμπτον, основала монастырь, долгое время называвшійся потомъ «монастыремъ патрикія». По смерти Θεодоры (548 г.) Юстиніанъ желалъ привлечь Анастасію снова ко двору. Узнавъ о томъ, Анастасія покинула Пемптіійскій монастырь и явилась къ Даніилу въ мужской одеждѣ подъ именемъ инока Анастасія. Авва поселилъ его во внутренней пустыни и разъ въ недѣлю навѣщалъ его, утверждая въ правилахъ иноческой жизни. Однажды, когда онъ явился къ Анастасію, инокъ уже былъ мертвъ. Въ виду того, что подвижничества его въ пустыни было 28 лѣтъ, слѣдуетъ думать, что инокъ Анастасій (т. е. патрикія Анастасія) скончался въ 576 году. Ученикъ Даніиловъ, погребая его, замѣтилъ, что это была женщина. Послѣ этого авва разсказалъ ему исторію патрикія Анастасіи.

Аббатъ F. Nau задаетъ вопросъ: тождественна ли патрикія Анастасія съ Анастасіею, женою Помпея, племянника имп. Анастасія, осужденнаго на смерть въ 532 году? И отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Ключевъ гово-

рить, что хронологически это мало вѣроятно, ибо патрікія умерла въ 576 году, а Помпей въ 491 году былъ въ возрастѣ уже 60 лѣтъ. Патрікія представляется искреннею православною, великою почитательницею св. Саввы и патріарха Македонія, открыто стоявшею въ рядахъ защитниковъ Халкидонскаго собора; напротивъ жена Помпея является горячею монофизиткою и противницею этого собора. И если извѣстно, что съ какою-то Анастасіею, ипатиссой и діакониссою, находился въ перепискѣ антиохійскій патріархъ Северъ, то естественнѣе предположить, что корреспонденткою Севера могла быть Анастасія, жена Помпея, а не Анастасія патрікія.

Слѣдующимъ, третьимъ разсказомъ, сообщеннымъ ученикомъ Даниіла, служитъ повѣсть о Маркѣ юродивомъ, жителѣ Александріи, который, искупая грѣхи юности, рѣшился питаться рыночными отбросами. Даниіль, придя въ Александрію на праздникъ Пасхи, встрѣтилъ Марка и попробовалъ вступить съ нимъ въ бесѣду, но Маркъ казался юродивымъ. Однако Даниіль провидѣлъ въ немъ даръ святости и, представляя его александрійскому патріарху, воскликнулъ: дѣйствительно въ Александріи нѣтъ другого подобнаго сосуда избранія! Даниіль съ Маркомъ провели всю ночь въ патріаршихъ палатахъ, а на утро Маркъ скончался. На погребеніе его стеклось не только все населеніе Александріи, но явились монахи и изъ окрестностей, изъ Енатскаго монастыря и изъ пустыни Нитрійской.

Четвертый разсказъ — объ анонимномъ нищемъ, о заслугахъ котораго Даниіль разсказывалъ. На одной изъ площадей Александріи Даниіль увидѣлъ слѣпца, просившаго милостыню. Онъ подошелъ къ нему и — попросилъ у него нѣсколько денегъ для пропитанія. Слепецъ отправился въ свою хижину, принесъ нѣсколько монетъ и отдалъ ихъ Даниілу, прося его молиться за него. Растроганный авва воскликнулъ: «какъ многи слуги Божіи, которые неизвѣстны міру!». Черезъ нѣсколько дней Даниіль узналъ, что великій экономъ патріарха находится при смерти и уже перенесенъ въ церковь св. Марка. Св. Маркъ объявилъ больному, что его можетъ исцѣлить александрійскій слѣпецъ. Приведенный насильно, слѣпецъ возложеніемъ руки исцѣлилъ эконома. Чудо это разнеслось по всему городу. Самъ патріархъ явился въ келлію слѣпца, но послѣдній былъ уже мертвъ. Тѣло его было положено рядомъ съ тѣломъ Марка юродиваго.

Пятый разсказъ — о св. Оомандѣ, упоминаемой въ греческой минеѣ, въ римскомъ мартирологѣ, а равно у одного изъ нашихъ старыхъ патомниковъ. 18-ти лѣтъ отъ роду она вступила въ бракъ съ молодымъ человекомъ изъ мѣстности *’Οχτοχλιδέων*, была благочестива и усердно занималась своимъ хозяйствомъ. Но вотъ свекоръ воспылалъ къ ней страстью. Встрѣтивъ отпоръ съ ея стороны, онъ пригрозилъ убить ее шпагою. Она и тутъ не уступила ему и была имъ убита; убійца же тотчасъ лишился зрѣнія. Придя въ себя, онъ велѣлъ привести себя къ пра-

вителю, рассказалъ ему о своемъ преступленіи — и былъ обезглавленъ. Мученица чистоты, Өомаида должна была быть похороненною въ Октокедекатскомъ монастырѣ. Однако монахи этой обители подняли шумъ, говоря, что здѣсь, среди ихъ отцовъ, не подобаетъ мѣста женщинѣ, къ тому же убитой. Но авва Даніилъ сказалъ: «эта женщина умерла, защищая свою чистоту, посему она наша духовная мать (ἡ μηῆρ)», и этими словами умирилъ Октокедекатскую братію. Изъ чудесъ Өомаиды приведено одно — испѣленіе монаха, впавшаго въ искушеніе. Это чудо выдѣлено г. Ключье въ особый рассказъ (шестой).

Седьмой рассказъ — о монахинѣ, притворившейся пьяницею. Въ пустыни Верхней Өиваиды Даніилъ былъ встрѣченъ однажды многочисленною толпою монаховъ. Отсюда онъ съ ученикомъ отправился въ женскій монастырь около г. Ермополя. Они прибыли туда ночью. Ученикъ постучалъ въ дверь, прося оказать имъ гостепріимство, потому что иначе молъ они подвергаются растерзанію дикихъ звѣрей. Игуменья отвѣтила: лучше быть пожраннымъ внѣшними звѣрями, нежели внутренними. Но когда ученикъ замѣтилъ, что съ нимъ находится и авва Даніилъ, игуменья и всѣ сестры тотчасъ же открыли двери и встрѣтили авву съ величайшимъ почтеніемъ. Въ монастырѣ Даніилъ встрѣтилъ пьяную монахиню, валявшуюся на землѣ. Вскорѣ онъ однако замѣтилъ, что она только притворялась пьяною въ глазахъ инокинь, а оставаясь на единѣ, она молилась и проливала потоки слезъ. Мнимо пьяная монахиня сдѣлалась предметомъ особаго вниманія со стороны сестеръ, хотя дотолѣ была у нихъ въ презрѣніи, и рѣшилась покинуть монастырь. Она скрылась, извѣстивъ сестеръ объ этомъ и прося ихъ молиться за нее. Куда она удалась и что съ нею случилось, повѣсть умалчиваетъ.

Не менѣе трогательный рассказъ приведенъ подъ № 10, — повѣсть о серебрякѣ Андроникѣ и его женѣ Аѳанасіи. Андроникъ съ женою и двумя малыми дѣтьми жилъ въ Антиохіи Сирійской. Супруги жили истинно христіанскою жизнію, творя дѣла благотворенія, которымъ отдавали двѣ трети своихъ доходовъ. По смерти дѣтей убитая горемъ Аѳанасія въ церкви св. Іуліана задумала планъ уйти въ монастырь. Андроникъ, и самъ помышлявшій о томъ же, вполне согласился съ нею. Раздавъ имущество, они предприняли паломничество въ Святую Землю, а оттуда въ Александрію. Здѣсь Андроникъ видѣлся съ аввою Даніиломъ и рассказалъ ему свою исторію. Авва поселилъ Андроника у себя и надѣлъ на него монашеское одѣяніе, а Аѳанасіи посоветовалъ поселиться въ монастырѣ Тавеннисійскомъ. Черезъ 12 лѣтъ жизни у Даніила Андроникъ собрался въ путешествіе по Святымъ мѣстамъ. Въ Египтѣ онъ встрѣтился съ однимъ инокомъ, который предложилъ ему совмѣстное путешествіе подъ условіемъ полного молчанія. Этимъ инокомъ была Аѳанасія, надѣвшая мужской костюмъ и называвшая себя Аѳанасіемъ. Аѳанасія узнала своего мужа, но Андроникъ не догадался, что съ нимъ путешествуетъ его супруга (περίστέρᾳ, какъ мило сказано въ повѣсти). Со-

вершивъ паломничество, они вернулись въ Александрію и затѣмъ въ мѣстность Октокедекатъ. Затѣмъ Андроникъ 12 лѣтъ жилъ вмѣстѣ съ инокомъ Аѳанасіемъ, не зная, что около него женщина и его жена. Передъ смертью Аѳанасій плакалъ о братѣ Андроникѣ и просилъ авву Даниїла прочесть билетъ, который найдутъ у него по смерти на головѣ. При погребеніи Аѳанасія узнали, что это была женщина и — жена Андроника. Даниїлъ просилъ послѣдняго идти къ нему въ пустыню, но Андроникъ пожелалъ умереть и быть погребеннымъ рядомъ со своею супругою. По смерти Андроника между монахами Октокедекатскими и Скитскими возникла распря: и тѣ, и другіе хотѣли имѣть у себя тѣло этого инокъ. Но Даниїлъ настоялъ, чтобы Андроникъ былъ погребенъ рядомъ съ Аѳанасіемъ.

Одиннадцатый (и послѣдній) рассказъ совсѣмъ не упоминаетъ имени Даниїла; это повѣсть о монахѣ, ложно оклеветанномъ въ воровствѣ.

Отмѣченные статьи не позволяютъ намъ возстановить біографію Даниїла хотя бы въ самыхъ главныхъ частяхъ, тѣмъ не менѣе даютъ понятіе о личности этого аскета. Окруженный учениками, онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ Скитской странѣ, однако не требовалъ отъ монаховъ абсолютнаго подчиненія себѣ. Онъ былъ для нихъ образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ, совѣтникомъ, но не главою; часто путешествовалъ, былъ въ Александріи, Римѣ, Византіи, Ефесѣ и пр.

Любопытно отмѣтить здѣсь, что нигдѣ онъ не представляется ни чудотворцемъ, ни святымъ, — повѣсти говорятъ только, что онъ обладалъ даромъ читать въ сердцахъ людей, провидѣть человека независимо отъ его внѣшняго вида. Г. Ключевъ задаетъ вопросъ: не былъ ли Даниїлъ еретикомъ, монофизитомъ? и говоритъ, что большая часть египетскихъ монаховъ въ VI вѣкѣ исповѣдывала ученіе Евтихія, и даже александрійскій патріархъ Тимоѳей, старшій современникъ Даниїла, раздѣлялъ эту ересь. Эѳіопская и коптская версіи рассказовъ даютъ повидимому основаніе къ такому заключенію. Онѣ сообщаютъ, что Даниїлъ подвергался преслѣдованію во времена имп. Юстиніана за то, что отказался подписаться подъ актами Халкидонскаго собора. Кромѣ того заслуживаетъ вѣроятія сцена, во время которой Даниїлъ вырвалъ изъ рукъ солдатъ императора «томъ» папы Льва и, разорвавъ его, воскликнулъ, что папа нечестивъ, что Халкидонскій соборъ предается анаѳемѣ. По коптской и арабской версіямъ, Даниїлъ, принуждаемый императорскими солдатами къ подписи подъ актами Халкидонскаго собора, оставилъ Скитскую страну и основалъ въ Египтѣ, въ мѣстности Тамбок, свой небольшой монастырь, въ которомъ пережилъ Юстиніана, въ которомъ находился въ духовномъ общеніи съ Анастасіею патрикіей и въ которомъ умеръ. Съ другой стороны ни греческій, ни сирійскій, ни арабскій тексты совершенно не упоминаютъ объ инославныхъ доктринахъ Даниїла. Кромѣ того имя Анастасія, духовной дочери Даниїла, занесено въ календарь греческой церкви. Какъ объяснить себѣ фактъ, что дурное дерево при-

несло добрые плоды? что святыми стали ученики того, кто былъ еретикомъ? При такомъ недоумѣніи г. Ключень спрашиваетъ себя: не были ли свидѣтельства коптской и эѳіопской версій вымыслены и прибавлены уже послѣ разгрома египетскими монофизитами, желавшими пристегнуть къ своей сектѣ столь святую личность? Въ результатѣ онъ все-таки болѣе склоняется къ мысли, что въ лицѣ Даніила мы должны видѣть еретика. Греческая церковь, опустивъ его имя въ своемъ календарѣ, вѣроятно сомнѣвалась въ его православіи; латинская церковь официально отвергла его какъ еретика, да и изъ коптскаго миссала, напечатаннаго въ Римѣ въ 1735 году, имя Даніила изглажено.

Разсказы о Даніилѣ существуютъ на греческомъ, сирійскомъ, арабскомъ, коптскомъ и эѳіопскомъ языкахъ. Оригиналъ ихъ — на языкѣ греческомъ. Разность версій дѣлится на двѣ довольно значительныя группы. Во первыхъ, двѣ послѣднія версіи прямо исходятъ отъ первыхъ трехъ; все, что есть въ арабскомъ и сирійскомъ, находится также и въ греческомъ, но собраніе разсказовъ въ греческомъ полнѣе, нежели въ сирійскомъ и арабскомъ; кромѣ того здѣсь разсказы какъ-то разъединены, не будучи связаны органически: это, такъ сказать, отдѣльныя повѣсти о разныхъ лицахъ, но не біографія Даніила. Во вторыхъ, коптская и эѳіопская версіи содержатъ въ себѣ такіе разсказы, которыхъ въ первой группѣ нѣтъ; но что источникъ всѣхъ ихъ одинъ, свидѣтельствуется тожество многочисленныхъ фразъ въ обѣихъ группахъ. Авторы второй группы почерпали изъ источниковъ, которые авторъ греческой версіи или не зналъ, или которыми добровольно пренебрегалъ. Въ этой группѣ мы найдемъ такіе разсказы, какъ «исторія грѣшницы», «исторія обращеннаго вора», «исторія преслѣдованія Даніила» и пр., которыхъ нѣтъ въ греческомъ. — См. также рецензіи S. Vaillhé въ «Echos d'Orient», 1902, V. 127, и Hipp. Delehayе въ «Analecta Bollandiana», XXII. 95 sq.

Второй выпускъ «Библіотеки» (1902, pp. 39) очень интересенъ своимъ содержаніемъ, перенося читателя въ VI-е столѣтіе и въ глубь Персіи — на берега Евфрата. Въ то время здѣсь процвѣтало христіанство въ формѣ монофизитства, стояли монастыри и жили весьма почтенные иноки, на ряду съ иноческими подвигами занимавшіеся также богословскими бесѣдами и литературою. Съ однимъ изъ такихъ иноковъ, настоятелемъ монастыря Іоанномъ баръ Аѳтоніа, мы и имѣемъ дѣло въ этомъ выпускѣ.

Отецъ Іоанна, бывшій риторомъ въ Едессѣ, послѣ своей смерти оставилъ пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ самый младшій Іоаннъ тогда еще не родился (род. ок. 478 г.). Вдова Аѳтонія, по имени которой и сталъ называться Іоаннъ, занялась ихъ воспитаніемъ; четырехъ старшихъ сыновей она со временемъ опредѣлила на государственную службу, а послѣдняго Іоанна, котораго еще до рожденія посвятила Богу, попробовала устроить въ селевкійскомъ монастырѣ св. Ѳомы, при устьѣ рѣки

Оронта. Но такъ какъ по уставу этого монастыря очень молодымъ людямъ возбранялось пребываніе въ обители, Аѳтонія обратилась къ антиохійскому патріарху Палладію (490—498) съ просьбою о принятіи Іоанна въ селевкійскій монастырь, не смотря на несовершеннолѣтіе мальчика. Настоятель монастыря св. Ѳомы, почти столѣтній старецъ Ѳеодоръ, потерявшій зрѣніе, ошупалъ Іоанна, но, не найдя у него бороды, отказался принять его въ обитель, прося Аѳтонію повременить опредѣленіемъ ея сына, пока не вырастетъ у него борода. Но св. Ѳома явился Ѳеодору въ сонномъ видѣніи и сказалъ, что этотъ мальчикъ станетъ впоследствии спасителемъ монастыря. Тогда настоятель, успокоивъ Аѳтонію, принялъ Іоанна въ монастырь (ок. 492 г.). Въ обители ему было поручено принимать и служить поклонникамъ. А такъ какъ въ монастырѣ всегда было много народа, прибывавшаго въ Селевкійскую гавань, работа въ ксенодохиі была очень утомительна. Около 500 г. Іоаннъ принялъ монашество и сначала былъ приставленъ къ плотничному дѣлу. По смерти Аѳтоніи братья его раздѣлили наслѣдство, причемъ на долю Іоанна досталось 60 персидскихъ золотыхъ дариковъ въ годъ (ок. 600 рублей), которые онъ употребилъ на добрыя дѣла. Братья ему завидовали, обвиняли и злословили его, но онъ своимъ смиреніемъ утолялъ ихъ злобу. Позже Іоаннъ извѣстенъ подъ названіемъ «ритора» и «ех-авосат», значитъ онъ имѣлъ возможность заниматься и на литературномъ поприщѣ.

По смерти имп. Анастасія (518 г.) Ноннъ, еп. Селевкійскій, какъ противникъ Халкидонскаго собора, былъ изгнанъ; монофизитскіе монахи монастыря св. Ѳомы были также повидимому удалены. Тогда они обратились къ Іоанну и единодушно избрали его своимъ настоятелемъ. Впрочемъ, что они остались въ монастырѣ св. Ѳомы, видно изъ извѣстія подъ апрѣлемъ 839 г. (528 г. по Р. Хр.), именно что Іоаннъ въ это время былъ еще архимандритомъ Селевкійскаго монастыря св. Ѳомы. При имп. Юстинѣ (518—527) монофизитство снова пережило тяжелую участь: Северъ былъ лишенъ языка и бѣжалъ въ Египетъ; амидскіе монахи въ 535 г. покинули свою обитель на 9½ лѣтъ; монофизиты подверглись новому преслѣдованію; антиохійскій патр. Ефремъ изгонялъ ихъ изъ своего патріархата вооруженною силою. До 531 года, подъ вліяніемъ преслѣдованій Ефрема, Іоаннъ баръ Аѳтонія былъ изгнанъ изъ обители и основалъ свой монастырь въ Кэннэсрѣ, на берегу Евфрата, въ виду Jérahis (Эвропа), и былъ въ немъ первымъ настоятелемъ.

Основаніе и организація Кэннэсрэйскаго монастыря были важнѣйшимъ дѣломъ Іоанна баръ Аѳтонія. Обитель сдѣлалась центромъ занятій греческою и сирійскою литературами, откуда вышло много эллинистовъ, и очагомъ аскетической жизни, откуда монофизитская церковь получила много патріарховъ. Изъ эллинистовъ, вышедшихъ изъ стѣнъ этой обители, извѣстны: Ѳома Ираклійскій (d'Harkel), сличавшій по греческимъ рукописямъ сирійскій переводъ Новаго Завѣта; этотъ просмотръ оконченъ имъ въ 616 г. въ Александрійскомъ Энатскомъ (à neuf milles) мона-

стырѣ; Северъ Сабоктъ, изучавшій, а затѣмъ самъ преподававшій философію, математику и астрономію, и Іаковъ Едесскій, полиграфъ, одинъ изъ главныхъ яковитскихъ писателей. Изъ монофизитскихъ антиохійскихъ патріарховъ, вышедшихъ изъ Кэннэсрэйскаго монастыря, извѣстны: Юліанъ (591—595), Аванасій (596—635), Юліанъ Римлянинъ (688—708), Георгій (758—790) и Діонисій Телльмарейскій (818—845). Едесскій епископъ Данилъ (665—684) написалъ сочиненіе о борьбѣ кэннэсрэйскихъ монаховъ съ демонами. Патр. Аванасій въ бытность свою въ санѣ простаго монаха отличался такимъ смиреніемъ, что по ночамъ сгребалъ въ Евфратъ монастырскія нечистоты. Онъ явился во снѣ своему второму преемнику, патр. Θεодору (649—667), жившему, какъ кажется, тоже въ Кэннэсрѣ, и сообщилъ ему, что для побѣды надъ демономъ необходимо принести изъ монастыря маръ Іакова руку самосатскаго епископа Севера. Демонъ также сожалѣлъ, что Кэннэсрэйскіе монахи принесли въ монастырь мощи св. Ефрема. Во время мелитенскаго епископа Домиціана монофизиты были изгнаны изъ Кэннэсрѣ. Это преслѣдованіе началось въ 599 г. и заставило Θому Ираклійскаго (позже епископа Манбиджскаго, Mabouj) бѣжать въ Энатскій монастырь. Монахи Кэннэсрѣ бѣжали на Критъ, гдѣ были схвачены Персами въ 623 г., и около 20 изъ нихъ было убито. Во время арабскаго господства месопотамійскій правитель Абдаллахъ баръ Дарагъ возвратилъ Кэннэсрѣ монофизитамъ. Въ 815 г. обитель эта была уничтожена пожаромъ, но возстановлена Діонисіемъ Телльмарейскимъ.

Послѣ такого уклоненія въ сторону г. Nau, пересказывая житіе, сообщаетъ, что около 531 г. Іоаннъ баръ Афтонія находился въ Константинополѣ въ качествѣ секретаря на соборѣ шести монофизитскихъ епископовъ съ одной стороны и императора и шести православныхъ епископовъ съ другой стороны. Затѣмъ онъ вернулся въ свой монастырь. Лишенія и утомленія отъ многочисленныхъ его путешествій подорвали его здоровье, и онъ не проводилъ ни одного дня безъ страданій. Осужденный константинопольскимъ соборомъ 536 г., антиохійскій патріархъ Северъ въ письмѣ къ Іоанну предсказалъ его кончину, и дѣйствительно, черезъ 15 дней послѣ того, 4 ноября 849 г. (537 г. по Р. Х.) Іоаннъ скончался, назначивъ своимъ преемникомъ старца Александра († ок. 541) и наказавъ ему ничего не измѣнять изъ его правилъ въ Кэннэсрэйскомъ монастырѣ.

Одинъ изъ его учениковъ написалъ житіе его на сирійскомъ языкѣ, которое и приводится въ настоящемъ изданіи. Это житіе послужило источникомъ для гимна Іоанну, составленнаго Іоанномъ Псалтомъ. Гимнъ этотъ также приложенъ въ видѣ прибавленія къ житію.

Іоанну баръ Афтонія принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) *толкованіе на Письмъ Письней*, сохранившееся въ отрывкахъ; 2) до 70 *гимновъ*, написанныхъ на греческомъ языкѣ, приложенныхъ къ Октоиху Севера Антиохійскаго и позже ок. 624 г. переведенныхъ на о. Кипрѣ аввой Павломъ на сирійскій языкъ. Этотъ переводъ въ 675 г. былъ снова свѣренъ

съ греческимъ подлинникомъ Іаковомъ Едесскимъ; 3) *жизнь Севера*, по-видимому, говоритъ Райтъ (Wright), послѣдній трудъ Іоанна, который пережилъ Севера едва на девять мѣсяцевъ. На самомъ же дѣлѣ Іоаннъ умеръ ранѣе Севера († 8 февраля 538 г.), поэтому приходится допустить, что житіе Севера не было окончено самимъ Іоанномъ, а дополнено послѣдующимъ авторомъ. Входя въ детальное разсмотрѣніе этого спорнаго вопроса, г. Нау останавливается на слѣдующихъ пунктахъ: время смерти Іоанна и Севера, время составленія житія Севера, приписываемаго первому кѣннэсрэйскому настоятелю, и опредѣленіе автора второго житія Севера. Въ результатѣ своего изслѣдованія г. Нау приходитъ къ мысли, что если Іоаннъ баръ Афтонія и могъ написать начало этого житія, то все-таки вѣроятно, что цѣликомъ житіе написано другимъ настоятелемъ Кѣннэсрэ, напр. Іоанномъ Псалтомъ, хотя и такая догадка, по словамъ самого г. Нау, довольно проблематична: ниже почтенный ученый первое житіе Севера приписываетъ Захарію схоластику. Авторомъ второго житія Севера, написаннаго по гречески, по мнѣнію Нау, былъ Іоаннъ баръ Афтонія, преемникъ Александра въ Кѣннэсрэйскомъ монастырѣ. Оно написано до 544 г. по просьбѣ монаха Домиція, потомъ епископа Лаодикійскаго. Здѣсь Іоаннъ пользуется житіемъ, составленнымъ Захаріемъ схоластикомъ, нѣкоторыми личными воспоминаніями и слухами. Изъ житія видно, что авторъ былъ настоятелемъ монастыря Beth Aphthonia, жилъ по смерти александрійскаго патр. Θεодора въ Маіумѣ и здѣсь видѣлся съ разными преемниками Петра Иверійца; онъ зналъ Севера и умѣлъ писать по-гречески. Греческій текстъ житія Севера позже былъ переведенъ на сирійскій языкъ Сергіемъ баръ Карія, епископомъ Каррскимъ (Harran, Carrhes), и этотъ сирійскій переводъ послужилъ источникомъ для Церковной Истории Іоанна Азійскаго. — См. также «Anal. Boll.» XXII. 95—98.

Третій выпускъ «Библіотеки» (1902, pp. 26) имѣетъ близкое отношеніе къ выпуску второму. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ святымъ дѣятелемъ сирійско-монофизитской церкви, епископомъ Іаковомъ Барадеемъ, скончавшимся 31 іюля 578 или 577 года въ монастырѣ св. Романа «Касіонъ», въ Египтѣ, на границахъ Палестины.

По смерти Іакова и по вступленіи на антиохійскій патріаршій престолъ маръ Аанасія Гамалы (Верблюдника), «Ромейскій императоръ Фока (602—610) снова изгналъ православныхъ епископовъ съ ихъ престола и замѣнилъ ихъ еретиками». Персидскій царь, сынъ Гормизда Хозрой Парвецъ (Завоеватель, 590—628) покорилъ всю восточную страну Евфрата; затѣмъ по совѣту царицы Ширины онъ выгналъ Халкидонскихъ епископовъ изъ городовъ восточной страны Евфрата и на ихъ мѣсто водворилъ православныхъ: именно въ Амидѣ посадилъ Маръ Самуила, въ Едессѣ Маръ Исаію, въ Решайнѣ Маръ Адая, въ Теллѣ Маръ Захая и такъ далѣе. Послѣдній, зная о святости Маръ Іакова, побудилъ четырехъ монаховъ монастыря Фезильскаго и двухъ городскихъ клириковъ отправиться въ монастырь Касіонъ и похитить почивавшія тамъ мощи Іакова.

Посланцы прибыли въ Касіонъ въ 933 г. греческаго счисленія или въ 622 г. по Р. Хр. и провели нѣсколько дней у настоятеля монастыря Маръ Стефана Кебилайи(?). Помолившись въ монастырѣ, они получили благословеніе отъ Маръ Іакова и отъ тамошнихъ братьевъ. На вопросъ, кто они, они отвѣтили: «мы — послы сирійской церкви къ александрійскому папѣ». И были они приняты съ великою честью. Черезъ нѣкоторое время одинъ изъ монаховъ-пословъ, согласно предварительному условію, поднявъ крикъ и палъ въ конвульсіяхъ съ пѣною у рта, обнаруживъ всѣ признаки сумасшествія. Товарищи его подняли плачь, принесли больного товарища къ рактъ Іакова съ тѣмъ, чтобы онъ могъ похитить его святое тѣло. Вмѣстѣ съ больнымъ и они всѣ спали у могилы святого. По ночамъ они копали землю, а днемъ покрывали то, что было ими откопано. Окончивъ свою работу, они завладѣли монастырскими ключами и сказали Касіонской братіи: мы имѣемъ съ собою письма и не можемъ оставаться у этого больного; мы оставимъ съ нимъ одного изъ насъ, а сами отправимся въ Александрію, гдѣ и надѣемся увидѣться съ нимъ — въ монастырѣ святой матери нашей Золи (Зои?). Съ тѣломъ Іакова, завернутымъ въ шелкъ, они отправились въ Палестину. Касіонская братія, замѣтивъ похищеніе тѣла Іакова, подняла вой. Бросились въ слѣдъ за похитителями по всѣмъ направленіямъ, но безуспѣшно. Фезильескіе монахи покинули Палестину и съ тѣломъ Іакова прибыли въ г. Теллу. Епископъ, духовенство и жители, узнавъ въ чемъ дѣло, вышли на встрѣчу тѣла съ факелами, оиміамомъ и съ пѣніемъ гимновъ. Обнеся тѣло вокругъ города, они положили его въ своемъ монастырѣ (Фезильескомъ), въ храмѣ, построенномъ святымъ еще при жизни.

Это житіе Іакова оканчивается замѣчаніемъ: «конецъ житія св. Маръ Іакова Фезильескаго, по прозванію Барадея. Да будетъ молитва его съ нами во всѣ вѣки». Но въ Берлинской рукописи читается иначе: «конецъ исторіи Маръ Іакова Едесскаго. Эта исторія переписана по порученію Маръ Оевды (Ееодосія?), священника и столпника монастыря Фезильескаго, во дни игумена этого монастыря Стефана, въ лѣто 1052 селевкидской эры». Нѣмецкій ученый Захау это послѣднее извѣстіе толкуетъ такъ: «житіе Іакова Барадея написано въ 1052 г. Селевкидской эры, то-есть въ 741 г. по Р. Хр.; но такъ какъ рукопись представляетъ вездѣ одно и тоже письмо, житіе написано всецѣло въ ту же эпоху». Однако издатель разсказа въ настоящемъ выпускѣ, г. Кугенеръ, не удовлетворяется такимъ толкованіемъ, находя его не совсемъ точнымъ. Для доказательства своей мысли Кугенеръ говоритъ сначала о житіи Іакова Барадея, составленномъ псевдо-Іоанномъ Азійскимъ, и о сочиненіи Маръ Киріака, изданномъ въ настоящемъ выпускѣ въ сирійскомъ подлинникѣ съ французскимъ переводомъ.

Во 2-мъ томѣ *Anecdota syriaca* Ланда помѣщено житіе Іакова Барадея, ложно приписанное Іоанну Азійскому, и другое, болѣе краткое житіе его же, составленное несомнѣнно этимъ Іоанномъ. Послѣднее житіе въ 49

и 50 главъ содержитъ *commentarii de beatis orientalibus*, сочиненіе Іоанна Азійскаго. Въ 49-й главѣ оно описываетъ дѣятельность Іакова со времени его прибытія въ Константинополь до 566 г.; въ 50-й главѣ оно сообщаетъ имена многочисленныхъ епископовъ, уже посвященныхъ Іаковомъ въ это время. Оно ничего не говоритъ о молодости Іакова и, какъ написанное въ 566 г., не можетъ намъ говорить о концѣ его жизни (578 г.). Наоборотъ, *vita spuria*, полное житіе, начинается съ рожденія основателя Яковитской церкви и идетъ до его смерти. Голландскій ориенталистъ Н. Г. Клеупъ въ своемъ этюдѣ о Іаковѣ Барадеѣ показалъ, что это житіе не могло принадлежать Іоанну Азіискому и что оно въ большей части есть только расширеніе 49 и 50-й главы *Commentariorum de beatis orientalibus*.

Что касается до разсказа Маръ Кириака, онъ также отличенъ въ разныхъ рукописяхъ. Лондонскій списокъ кажется только передѣлкою Берлинскаго, написаннаго небрежнымъ стилемъ; онъ можетъ быть объясненъ послѣднимъ, но не наоборотъ. По Берлинской рукописи, авторомъ названъ Кириакъ, епископъ *Амидскій*, въ Лондонской — Кириакъ, епископъ *Мардинскій* (каковой совершенно неизвѣстенъ). Кириакъ подвергался преслѣдованіямъ Халкидонянъ и былъ смѣщенъ съ престола между 582 и 585 или 586 годами. Въ разсказѣ Кириака интересно одно замѣчаніе, изъ котораго можно заключить о времени составленія этого разсказа. Замѣчаніе это гласитъ: «они отправились въ 933 г. грековъ (622 г. по Р. Хр.); въ это время Ромейскій императоръ Ираклій прибылъ, овладѣлъ всею восточною Евфратскою страной и изгналъ Персовъ до пограничнаго г. Нисоба». Такъ какъ это послѣднее событіе имѣло мѣсто въ 628 г., послѣ этого года и написанъ разсказъ. Но въ виду того, что Кириакъ Амидскій умеръ въ 623 г., онъ не могъ быть авторомъ изданнаго въ этомъ выпускѣ разсказа. Будемъ-ли мы имѣть въ виду Кириака Амидскаго, или Кириака Мардинскаго, во всякомъ случаѣ ясно, что авторъ жилъ въ эпоху предшествовавшую завоеванію Персіи и Сиріи арабами. Разсказъ написанъ черезъ 15 лѣтъ послѣ того, какъ совершена была благочестивая кража.

Житіе Іакова Барадея не можетъ принадлежать перу Іоанна Азійскаго; но что оно могло быть составлено Маръ Оидою, нѣсколько вѣроятно. Возможно, что полное житіе составлено имъ, какъ инокомъ Фезильскаго монастыря: фезильская обитель была древнимъ монастыремъ Іакова, мощи котораго лежали здѣсь съ 622 года. Въ виду неполноты краткой біографіи, Іоанна Азійскаго, Маръ Оида задался цѣлью расширить разсказъ, дополнить списокъ чудесъ Іакова и присоединить Кириакову исторію похищенія тѣла Іакова Барадея.

Второю и послѣднею статью третьяго выпуска «Восточной Библіотеки» является «*Histoire de saint Nicolas soldat et moine*», не имѣющая никакого отношенія къ востоку. Это общеизвѣстная повѣсть о св. Николаѣ воинѣ, участникѣ злополучной войны византійскаго императора

Никифора съ Болгарами, 811 года. Она входитъ въ Синаксарь и Минею (подъ 24 декабря), извѣстна во многихъ греческихъ и славянорусскихъ пересказахъ. Г. Ключье издалъ эту повѣсть по двумъ іерусалимскимъ рукописямъ (XIII и XV вв.), по Берлинской рук. XVII в. (новогреческій пересказъ) и по Συναξαριστής (венец. изд. 1819 г.); три аеонскія рукописи остались ему недоступны.

Представляя нѣкоторый интересъ въ историческомъ отношеніи, повѣсть заслуживаетъ вниманія преимущественно какъ памятникъ литературный. Но какъ таковой, повѣсть разсмотрѣна недостаточно глубоко. Главный источникъ ея остался издателю неизвѣстенъ: это житіе св. Николая Студита. А знай это, г. Ключье не сказалъ бы, что монастырь, мѣсто подвиговъ Николая, война и аскета, къ несчастію неизвѣстенъ: онъ отмѣтилъ бы, что этотъ монастырь по всей вѣроятности находился въ виоинскомъ г. Атроѣ; а знай о связяхъ Атройскаго монастыря съ монастыремъ Студійскимъ, онъ быть можетъ имѣлъ бы возможность высказать мысль и о мѣстѣ, гдѣ впервые могла появиться эта отдѣльная повѣсть.

На русской почвѣ повѣсть эта приняла въ себя нѣсколько неожиданныхъ подробностей: Николай изъ простого война обратился въ князя (Посошковъ) и будто бы даже *славянскаго* происхожденія (Мальцевъ). Г. Ключье говоритъ, что русскій менологій рассказываетъ о томъ, что св. Николай отличался даромъ предсказанія, — подробность де неизвѣстная изъ греческихъ текстовъ. Это неправильно: въ греческомъ мы имѣемъ (р. 33, 138): πατήρ διακριτικώτατος (ср. р. 36: θαυματουργός), а это и значить: прозорливѣйшій, пророкъ, предсказывающій будущее. — См. также «Anal. Bolland.» XX. 95—98.

Четвертый выпускъ «Восточной Библіотеки» (1900, pp. 67) содержитъ въ себѣ публикацію константинопольскаго ассомпсiониста le R. P. Louis Petit «Житіе и служба св. Михаила Малеина», памятники опять исключительно византійскіе. Такимъ образомъ содержаніе «Агіографической Библіотеки» само собою расширяется: подъ «восточными» текстами являются уже и греческіе памятники. Г. Луи Пти издалъ житіе св. Михаила по слѣдующимъ пяти спискамъ: аеоно-лаврскому Δ 79, XIII в., аеоно-кутлумушскому 494, 1549 г., не отмѣченному въ каталогъ Сп. Ламбра, по кодексу Халкинской Богословской Школы (Семинаріи), XVI в., аеоно-ватопедскому 550, 1422 г., и аеоно-иверскому 594, 1498 г. (по Ламбру: XVI вѣка!). Въ основу изданія положенъ списокъ Лаврскій, остальные кодексы служили издателю для разночтеній и поправокъ основного текста. Въ бытность свою на Аеоны въ 1896 г. мы читали это житіе по спискамъ Лаврскому и Ватопедскому, изъ которыхъ извлекли главныя біографическія черты этого святого¹⁾. Дополнимъ вкратцѣ то, чего мы не успѣли отмѣтить при чтеніи рукописей. Послѣ слова (стр. 362): «Просла-

1) Виз. Врем. IV (1897), стр. 358—363.

вившись святостью своей жизни, Михаилъ былъ часто навѣщаемъ мѣрянами» слѣдуетъ теперь прибавить слѣдующее:

Когда у Михаила собралось болѣе 50 братьевъ, онъ передалъ ксиролимскую лавру своему родственнику, упомянутому Агапію, а самъ съ нѣсколькими учениками удалился въ Виѳинію, гдѣ воздвигъ обширный храмъ во имя Богородицы; здѣсь онъ составилъ братство и далъ ему свой уставъ. Изъ братіи его упомянуто нѣсколько лицъ: Киріакъ, кончину котораго преподобный предсказалъ; Исихій, ходившій по порученію Михаила на рѣку Γάλλος; псалтъ Константинъ, Левъ, Теофанъ и другіе. О патріархѣ Теофилаѣ (933—956) замѣчено, что онъ ἔσπευσέ τε τὸν μέγαν κακῶσαι καὶ τὴν περιφανῆ αὐτοῦ ποίμνην εἰς τέλος ἐξαφανίσαι (р. 24 § 23). Это, какъ и другія замѣчанія интересны для насъ между прочимъ тѣмъ, что они повидимому подтверждаютъ высказанную нами ранѣе догадку о томъ, что фамилія св. Михаила (Мануила) могла быть Μέγας.

Особый интересъ возбуждаетъ § 24 о монахѣ—ученикѣ Михаила—Теофанѣ, который εἶχε πρὸς τὸ καλλιγραφεῖν οὐ μικρὰν ἐπιτηδείότητα и который въ короткое время переписалъ для Михаила βιβλίον ἐπωφελές, послѣ чего заболѣлъ. Когда врачи рѣшились сдѣлать ему операцію, быть можетъ, глазную, св. Михаилъ, бывшій въ то время въ Константинополѣ, явился къ нему и сказалъ: «не дѣлай этого, но только вѣруй, и ты выздоровѣешь». Надобно думать, что здѣсь идетъ рѣчь объ инокѣ виѳинскаго монастыря Теофанѣ, который въ X вѣкѣ занимался перепискою рукописей. Къ сожалѣнію, изъ упомянутаго ниже труда В. Гардтгаузена (Griechische Paläographie) не видно, чтобы отъ X вѣка до нашего времени сохранились греческія рукописи съ именемъ Теофана; но интересно и то, что виѳинскія обители участвовали въ обще-просвѣтительной работѣ путемъ переписыванія манускриптовъ. И вообще Малая Азія была однимъ изъ центровъ литературной дѣятельности иноковъ. Мы знаемъ напр. киверріотскаго инока Траянова монастыря св. Аѳанасія, IX в., занимавшагося въ теченіе 28 лѣтъ перепискою рукописей, цѣнность которыхъ восходила до 900 номисмъ (3600 рублей) и количество которыхъ могло простираться отъ 50 до 75. Какъ кажется, изъ этихъ рукописей кое что сохранилось до нашего времени: это Аскетиконъ св. Василія Великаго (Моск. Син. Библ. № 117, 880 г.), или Лѣствица св. Іоанна Синайскаго (Моск. Син. Библ. № 184, 899 г.). Когда будетъ разработанъ и выясненъ палеографическій вопросъ о типахъ мѣстнаго письма, тогда быть можетъ можно будетъ сказать, которая изъ этихъ рукописей есть трудъ св. Аѳанасія. Во всякомъ случаѣ будущій палеографъ и даже современникъ нашъ, проф. Гардтгаузенъ, отмѣтитъ имена виѳинскаго писца Теофана и Траянова кописта св. Аѳанасія. Замѣчательно, что одинъ изъ нихъ потерялъ зрѣніе, а другой заболѣлъ на столько, что долженъ былъ подвергнуться операціи,—и все очевидно оттого, что они утратили здоровье за перепискою рукописей: очевидно трудъ писца былъ далеко не легкимъ.

Тотъ же § 24 интересенъ и потому, что о. Луи Пти этого Теофана, писца, ученика Михайлова (р. 24: τῷ πατρὶ ἐγένετό τις μαθητὴς Θεοφάνης ὄνομα), отождествляетъ съ Теофаномъ-агіографомъ (Θεοφάνης μοναχὸς μαθητὴς). Достопочтенный ученый довольно рѣшительно защищаетъ мысль, что авторъ житія св. Михайла и писецъ рукописи — одно и то же лицо. Однако есть соображеніе, не принятое имъ во вниманіе, которое не только не позволяетъ согласиться съ такимъ отождествленіемъ, но и прямо-таки говоритъ объ обратномъ, о различіи двухъ Теофановъ. Основанія для тожества у о. Луи Пти слѣдующія: 1) Авторъ-инокъ, уважающій себя, говоритъ о себѣ мало; дѣйствительно Теофанъ-агіографъ въ § 24 житія рассказываетъ объ одномъ монахѣ Теофанѣ, ученикѣ Михайла, жившемъ вмѣстѣ со святымъ въ теченіи 40 лѣтъ. Это соображеніе кажется намъ правильнымъ, но не убѣдительнымъ. У Михайла могло быть много иноковъ съ очень употребительнымъ въ то время именемъ Теофана. Одинъ Теофанъ былъ агіографъ, другой Теофанъ могъ быть каллиграфомъ-страдальцемъ. 2) Оба Теофана были люди литературно-образованные. И это положеніе несомнѣнно; но тутъ необходима оговорка. Теофанъ-агіографъ говоритъ о Теофанѣ-писцѣ, что послѣдній имѣлъ *не малую* способность къ каллиграфіи. Болѣе того: οὐ μικρός значитъ не «не малый», а прямо-таки «очень большой». Въ случаѣ тожества именъ съ трудомъ можно вѣрить, чтобы агіографъ могъ о себѣ такъ выразиться. Это уже не скромность автора¹⁾, а его надменное самомнѣніе, котораго нельзя ожидать отъ автора-инока. 3) О другихъ инокахъ, надъ которыми св. Михайлъ творилъ чудеса, говорится сначала не особенно тепло, но когда заходитъ рѣчь о Теофанѣ, тонъ агіографа совершенно мѣняется. Это наблюденіе правильно, подробностей о Теофанѣ-писцѣ болѣе, нежели о другихъ монахахъ; но и оно не рѣшаетъ вопроса. Теофанъ-агіографъ могъ хорошо знать Теофана-писца, стараго спостника Михайлова, лично могъ питать къ нему чувства и дружбы, и почтенія, и жалости, почему и могъ сообщить о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Повторяемъ, и это основаніе для тожества не кажется намъ сильнымъ. И положеніе, что Теофанъ-писецъ жилъ въ виѣинскомъ монастырѣ, а Теофанъ-агіографъ писалъ въ Константинополѣ (р. 9: τὸν ἐν ταύτῃ μὲν τῇ βασιλευούσῃ εὐφρονούμενον), не кажется намъ для этой цѣли убѣдительнымъ, ибо Теофанъ-агіографъ могъ перейти изъ виѣинскаго монастыря въ столицу и здѣсь написать житіе своего учителя. Но вотъ слова житія (р. 24): «Θεοφάνης-πισεὺς ἄχρις οὗ, Михайла, πρὸς χύριον ἐξεδήμησεν, ἀδιαστάτως συνὼν αὐτῷ» заставляютъ съ очевидностью заключить, что этотъ Теофанъ, какъ умершій еще при жизни Михайла, не могъ быть его агіографомъ. Такимъ образомъ предрѣшенный о. Луи Пти

1) Р. 4: car, ajoute-t-il modestement, il n'avait pas pour la calligraphie de mediocres aptitudes, и далѣе: à parler en si bons termes de ses petites qualités.

вопросъ о тождествѣ обоихъ Теофановъ разрѣшается совершенно въ противоположномъ смыслѣ.

Конецъ житія нѣсколько не обыченъ: послѣднія строки по отношенію къ § 25 какъ-то скомканы; въ нихъ не замѣтно обычной плавности заключительнаго повѣствованія: какъ будто бы они написаны другимъ лицомъ...

Служба св. Михаилу, сохранившаяся въ рукописи Аеоно-Пантелеймоновскаго монастыря № 706, XV в., и сообщенная библіотекаремъ этой обители достопочтеннымъ о. Матѳеемъ, по мнѣнію о. Луи Пти, написана на основаніи Теофанова житія св. Михаила, быть можетъ даже самимъ агиографомъ. О томъ, что существовалъ еще и канонъ св. Михаилу, говорено было нами въ свое время (стр. 359).

Ради полноты свѣдѣній о св. Михаилѣ о. Луи Пти вслѣдъ затѣмъ приводитъ извѣстную эпитафію на святого, составленную Іоанномъ Киріотисомъ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Іоанна Геометра. Ничего біографическаго это четверостишіе однако въ себѣ не заключаетъ.

Далѣе къ изданію присоединенъ аскетическій трактатъ Василия, игумена Малеиновой лавры, и одного изъ преемниковъ св. Михаила по управленію монастыремъ. Уставъ, данный Михаиломъ обители, не сохранился; трактатъ Василия дается въ изданіи ради того, что въ немъ быть можетъ находится нѣсколько мыслей самого основателя. Для отличія Михаила Малеина (Μαλέϊνος, Maléinos) отъ Василия Малеина о. Луи Пти предложилъ называть послѣдняго: le Maléinote, каковымъ названіемъ онъ именовалъ обоихъ лицъ почти до самаго выхода въ свѣтъ настоящаго изданія. До послѣдняго времени этотъ трактатъ былъ извѣстенъ только въ латинскомъ переводѣ іезуита Якова Понтана (1603 г.). О. Луи Пти разыскалъ греческіе его списки и впервые издалъ текстъ по семи кодексамъ: Ватиканскому XIII в., Барочіевому XIV в., Бодлеевому XVII вѣка, Кутлумушскому XVI в., Парижскому XIV в., Эскуріальскому XIV вѣка и другимъ.

Большой интересъ имѣютъ заключительныя примѣчанія о. Луи Пти, сопровождающія житіе св. Михаила; ими мы и закончимъ обзоръ интереснаго изданія. На географическихъ названіяхъ житія о. Луи Пти останавливается съ особенною любовью и тщательно приурочиваетъ разные моменты жизни святого къ опредѣленному времени. Такъ рожденіе Мануила онъ относитъ къ 894 году. Въ 909 году Мануилъ получилъ должность спафарокандидата; между 910—912 гг. онъ живетъ при дворѣ; въ 912 г. удаляется на гору Киминскую, гдѣ принимаетъ монашество подъ именемъ Михаила, не на долго ѣдетъ на свою родину и снова возвращается на Кимину; въ 913—915 гг. служитъ въ должности келаря; въ 915 г. принимаетъ схиму; въ 918 г. удаляется одинъ на сосѣднюю съ монастыремъ скалу; въ 919 г. поселяется въ пустынѣ съ Агапіемъ и живетъ здѣсь два года; въ 921 г. идетъ въ Ксиролимни (близъ Прусіады); около 925 г. уходитъ въ Виеинію и на Кимину и тамъ воздвигаетъ

гаетъ большую лавру; около 930 г. рукополагается во священника и умираетъ 12 іюля 961 года.—Только въ одномъ мѣстѣ дѣльныя примѣчанія о. Луи Пти нуждаются въ оговоркѣ. Толкуя мѣсто житія (р. 8): (св. Михаилъ) ἠγάπησε τὸν πρὸς πατὲρς μὲν αὐτῷ πάππον, Εὐστάθιον ἑκαῖνον, о. Луи Пти говоритъ (р. 59): «il est permis de voir dans cet Eustathe l'oncle de notre saint». И изъ нашей генеалогической таблички (стр. 361), и изъ таблички самого ассомпюниста (р. 60), вполне согласной съ нашею, явствуетъ, что Евстаѳій, отецъ Евдокима, приходился Мануилу (св. Михаилу) не дядею, а *дѣдомъ*. Поэтому «l'oncle» вѣроятно есть описка уважаемаго ученаго вмѣсто «l'aieul»; но въ такомъ случаѣ неясно выраженіе: «il est permis», разъ памятникъ совершенно ясно и опредѣленно говорить о дѣдѣ.

Хр. Лопаревъ.

V. Gardthausen. *Sammlungen und Cataloge griechischer Handschriften im Verein mit Fachgenossen bearbeitet.* Leipzig, B. G. Teubner, 1903. VIII + 90 стр. 8°.

Книга эта, составляющая третій выпускъ «Byzantinisches Archiv» проф. К. Крумбахера, есть результатъ продолжительной и кропотливой работы извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Вильгельма Гардтгаузена, автора очень почтеннаго руководства «Griechische Palaeographie».

На стр. 430—439 этого послѣдняго сочиненія Гардтгаузенъ отвелъ мѣсто «Важнѣйшимъ каталогамъ греческихъ рукописей» въ той справедливой увѣренности, что эта глава необходима для всякаго, кто занимается греческою палеографіею. И послѣ 1879 года, когда вышла «Palaeographie», авторъ, видимо, не перестаетъ работать надъ усовершенствованіемъ своего труда. На первый разъ онъ предложилъ здѣсь читателямъ вышеупомянутую главу въ значительно дополненномъ видѣ (вм. 10 стр.—90) и въ видѣ отдѣльнаго изданія.

Взявъ эпиграфомъ своего труда слова, сказанныя Делилемъ: «l'histoire des bibliothèques est aujourd'hui considérée à bon droit comme un des chapitres le plus curieux d'histoire de la civilisation», проф. Гардтгаузенъ говоритъ, что исторія греческаго образованія на Западѣ есть вообще исторія высшаго образованія Запада, и вкратцѣ слѣдитъ за исторіею культурнаго развитія разныхъ европейскихъ странъ, по скольку это развитіе можно видѣть въ составленіи собраній греческихъ рукописей.

Но составляя главу «Исторіи цивилизаціи», эта библиографія имѣетъ и свой практическій интересъ. Кто серьезно занимается какою либо отраслью въ области Византіи, тотъ обязательно долженъ знать кромѣ изслѣдованій еще и источники, всю печатную литературу по данному вопросу; но кто желаетъ стоять на высотѣ науки и сказать послѣднее слово